

Октябрь

«Июньские зори, июльские полдни, августовские вечера – все прошло, кончилось, ушло
навсегда и осталось только в памяти»

Рэй Брэдбери

1

...И теперь только ветер гонял по серому асфальту утраченную память деревьев. Отдельные листья, правда, все еще сохранились на ветках, но висеть им так оставалось совсем ничего. Скоро все опадут, смоятся дождями, растопчутся по земле ботинками прохожих, и лишь один усатый дворник будет обращать на них внимание, рано поутру размеренно шаркая метлой. А потом он отойдет в сторону, задымит сигаретой, при этом зорким нахмуренным глазом следя за автомобильной стоянкой: вдруг начальство объявится раньше положенного.

Бабочка любил наблюдать за дворником. Даже с тем учетом, что они никогда не встречались лично, этот сутулый, вечно хмурый мужчина почему-то нравился Бабочке, казался добряком, скрывающимся под маской вечного недовольства. И только один Бабочка точно знал, что зимой, когда за ночь выпадал свежий снег, дворник выходил на улицу с лопатой и широкой улыбкой на лице, растирал снегом огрубевшие от работы руки, смотрел в синеву неба, и щеки его становились красными от мороза. Дворник любил зиму, и это объединяло их с Бабочкой.

Зимой не было боли. Да и зудело не так сильно, потому что Бабочка меньше потел. Зима благосклонно относилась к его болезни, нежели жаркое лето. Вот тут-то и начиналась проблема, так как лето Бабочка тоже любил, рвался к нему со всей силой своей непосредственной детской души и, вместе с тем, боялся его прихода. Ведь, несмотря на всю свою яркость, теплоту, звездные ночи и свободу, что нес в себе каждый новый летний день, лето также приносило и разочарование. Болезненное и гадкое чувство, такое же, как осенняя грусть, наверное...

2

Буллезный эпидермолиз, или просто БЭ – так звучал диагноз, сделавший жизнь Бабочки нескончаемым круговоротом боли и отвращения к себе. С этим он жил вот уже десятый год и, в принципе, более-менее приспособился к своему положению и к тому, что боль никогда и никуда не денется. Это даже подтверждала телепередача, которую он как-то смотрел вместе с родителями, и в которой рассказывалось о жизни некоего Джонни Кеннеди.

Как объяснял Бабочке лысый врач-дерматолог во время одного из осмотров, БЭ было редкостным наследственным заболеванием, вызванным неким сбоем в генах, в результате чего в коже по всему телу (а частенько на глазах и во рту) происходили какие-то изменения, и она становилась очень хрупкой, болезненно реагирующей на любое прикосновение. Людей, страдающих от такого недуга, то ли в шутку, то ли всерьез называли бабочками. Кожа, как пыльца на крыльях: дотронулся, и нет ее.

Бабочка пересказал все услышанное своему единственному другу Стеклашке, и с тех пор тот звал его не иначе, как Бабочка. Возражать не имело смысла. Нормальные дети из соседнего крыла и вовсе называли его Неженкой или Уродцем.

– У тебя еще относительно легкая форма, – улыбнулся тогда доктор. – Встречаются и более тяжелые формы этого заболевания. Взять, например, *полидиспластический буллезный эпидермолиз*, при котором...

Дальше шел набор малопонятных слов, и Бабочка не особо к ним прислушивался. Мальчик внимательно смотрел в глаза своему лечащему врачу (одному из них: как и у остальных детей этого больничного блока, у Бабочки было несколько лечащих врачей, которые разглядывали его с интересом и некой необъяснимой грустью) и видел в них нечто гадкое. То были не злые мысли или, скажем, тщательно скрываемые преступления, нет. То была ложь. Как и все взрослые, доктор врал. Он ловко заговаривал Бабочке зубы, когда тот задавал вопросы касательно своей болезни, но все это было фальшиво. Сплошная бутафория, так как дерматолог понятия не имел, как лечить это трудновыговариваемое заболевание.

И самое плохое, что родители Бабочки тоже об этом знали.

После недавнего инцидента отец боялся смотреть на него, постоянно отводил взгляд, поджимал губы, смущенно чесал затылок. Мать же неустанно вздыхала над своим единственным ребенком, через слово вспоминала Бога и напутствовала Бабочку еженощно молиться, выпрашивая у Всевышнего исцеления.

– Иисус мог излечивать калек, – говорила мать, – просто приказывал им встать и идти. И они шли! И слепые видеть начинали! А ведь это дело такое, на всю жизнь! Так что и ты, Сашенька, проси у Боженьки, пусть обратит на тебя свой взор. И ведь вдруг чудо случится! Вдруг избавишься ты от напасти своей!

И Бабочка молился. Каждую ночь, лежа в кровати и слушая шелест дождя за окном, он закрывал глаза и читал молитву. «Отче наш...» – шептал мальчик. И много позже, осторожно переворачиваясь с одного бока на другой – резкое движение, и кожа на спине стягивалась, ее нестерпимо жгло, а спустя какое-то время она вся покрывалась серыми пузырями – Бабочка корил себя за то, что не слез с кровати, не встал на колени и не прочитал молитву так, как полагается. Разве Господь услышит, если обращаться к нему лежа, укутавшись одеялом, уже практически засыпая? Нет, конечно!

Но страшно было становиться на колени. Кожа там заживала долго, как на локтях или на попе, а мысли о предстоящей боли пугали. Привык Бабочка к ней или нет, не важно. Новой волны мучений ему совсем не хотелось.

– Ты такой единственный на пятьдесят тысяч! – как-то усмехнулся один из врачей. Но усмехнулся не зло, а наоборот, добродушно. Не так, как это делали дети из соседнего крыла – те наглые мальчишки с одиночными переломами или вывихами, тайком прибегавшие к палатам смотреть на здешних уродцев. Нет. Доктор был добр и улыбочив, он ничего не скрывал и вовсе не ставил себе целью как-то задеть Бабочку или же покрасоваться перед медсестрами.

И Бабочке это льстило. Он – редкий! Проклятая болезнь со смешной аббревиатурой (БЭ – как звук, когда кого-то рвет) сделала его исключительным. И в те немногие дни, когда боли практически не было, прикусив язык от ужаса, он, позволяя медсестрам перематывать себя, наносить специальные крема и мази на израненное, все в шрамах тело, вскрывать волдыри и снимать шелушащуюся корочку, вспоминал именно об этой своей необычности, неординарности.

С открытием нового крыла в больнице стало гораздо лучше. Как Бабочка понял, те бесконечные представители всевозможных фондов помощи детям-инвалидам, которые на пару с неутомимыми репортерами таскались к нему и к Стекляшке (а с появлением Горбуна – и к нему тоже), все же добились своего. В новом крыле занимались изучением редкостных детских болезней, и в скором времени сюда планировалось свести больных из соседних городов.

– Основная проблема заключена в том, что на современном этапе развития медицины врачи не то чтобы не знают, как лечить подобные заболевания, – как-то раз услышал Бабочка

репортаж о самом себе по телевизору (от чего возгордился еще больше), – но и не в состоянии даже правильно диагностировать их. А ведь дети страдают...

– Страдают, ха! – огрызнулся Стекляшка. – Да что они знают об этом?!

Он сидел рядом, в своем инвалидном кресле, насупившись и глядя куда-то в сторону. Стекляшка был худым, большеголовым и глуховатым мальчиком с синеватыми белками глаз. Когда он тихонько смеялся над чем-то, то можно было видеть его серые полупрозрачные зубы. Все это, как говорил сам Стекляшка, из-за его болезни, плюс, много еще чего внутри, органы там всякие.

– Ну, они же видели нас, – пожал плечами Бабочка, сняв перчатки и осторожно касаясь одним пальцем другого. Если надавить сильно, подушечки слегка обожжет. Пузыри вряд ли появятся: на пальцах и ладонях, как и на ступнях, их практически никогда не было. Ногтей на пальцах, увы, тоже не было...

– Да толку-то, что видели?! Эх... Мы для них как цирковые чудики; смотрят на нас и руками тычут. Совсем как те парни, из нормального блока которые. А потом едут домой, друзьям рассказывают.

– Ну не знаю, – вздохнул Бабочка.

Стекляшка был из соседнего отделения; им занимались врачи-ортопеды, и его болезнь была не так редка, как Бабочкин БЭ. Всего лишь один на двадцать тысяч человек.

И в этом Бабочка тоже находил некое удовольствие, считая, что заболевание Стекляшки гораздо страшнее, а вместе с тем, не такое уж и редкое.

3

Как и Бабочка, Стекляшка появился в этот мир полуживым, задыхавшимся от боли. Он родился уже с многочисленными переломами, а непонимающие в чем дело акушеры лишь усугубили проблему.

Его мать отчаянно хотела ребенка, и Стекляшка был ее четвертой попыткой. В первых трех случаях беременность прерывали по медицинским показаниям. То же самое ей посоветовали и при четвертой попытке родить, на что мать ответила категорическим отказом. Сделали кесарево, новорожденный появился на свет с множественными переломами и на протяжении нескольких дней врачи боролись за его жизнь.

Стекляшка выжил.

Он вспоминал первые годы своей жизни, как сплошное море боли, пропитанное образами больниц, людей в белых халатах, бесконечных сверкающих игл, а еще слезами матери. А может это были лишь придуманные впоследствии ощущения?.. К своим девяти годам мальчик имел уже увесистую медицинскую книжку, в которой можно было отыскать такие страшные слова, как «внутриутробная пневмония», «рахит», «анемия», «пупочная грыжа», «гипотрофия» и т.д., больше пятидесяти пережитых переломов и страшный диагноз – несовершенный остеогенез, известный еще как болезнь Вролика. Стеклянный человек – так обычно называли людей с подобным заболеванием, в виду того, что их кости были чрезвычайно хрупки.

Стекляшка не любил свое прозвище, но, оказавшись в этой новой больнице после очередного осложнения, свыкся с ним. К чему кривляться, когда ты в окружении себе подобных?! И пусть Бабочка может ходить и даже небыстро бегать – что с того? Вечно забинтованный, словно мумия из фильма ужасов, бледный как тесто, пахнущий всякими кремами и лекарствами, боящийся даже дружеского похлопывания по плечу, он представлял собой не менее плачевное зрелище, нежели сам Стекляшка.

Мальчик уже полностью смирился со своей участью. В отличие от большинства детей-инвалидов, избалованных постоянной опекой, Стекляшка равнодушно смотрел на взрослых, на

вечно рыдавшую мать, которая в нем души не чаяла, на прочую ребятню, посмеивающуюся над ним и, как бы между делом, предлагавшую спустить его на коляске с лестницы, поглядеть, рассыплется он на осколки или нет.

Ходить Стекляшка не мог; зубы у него крошились, отчего постоянно приходилось торчать у зубного в кабинете, а левое ухо практически не слышало. «Годам к пятнадцати я и вовсе оглохну», – понимал он, разглядывая птиц за окном. В отличие от Бабочки, Стекляшка не любил осень. Ее можно было почитать лишь за то, что она несла в себе некое избавление: больше не надо было с тоской смотреть, как соседские мальчишки гоняют мяч во дворе. Как они прыгают, падают, пинают этот грязный мяч и толкают друг друга. И каждый раз, глядя на это, Стекляшка чувствовал восхищение и непреодолимый страх. Восхищение тем, каким на самом деле могло бы быть его тело: сильным, крепким, грациозным. И страх от того, что представлял себе, как вот он поднимается сейчас со своего кресла, разбежится и пнет по мячу, а может... может, прыгнет у ворот, ощутив грудью сильный удар пойманного мяча, а потом рухнет на землю. Но... не с улыбкой, как тот чумазый вратарь, а с гримасой. Рухнет прямо в яркую агонию, так как все его тело превратится в мешок, наполненный острыми осколками.

Стекляшка много читал, в том числе и о своей болезни. Поэтому в отличие от Бабочки он не обращал внимания на ложь и ужимки врачей, на виноватые глаза матери, которая попросту не умела врать. Он равнодушно кивал их обманам, думая о своем, скажем, о весне...

Да, весну он любил. Она предшествовала лету. Как и все дети, Стекляшка ждал лета. Его волшебства, красок, запаха южного ветра, приносящего с собой мистику далеких стран и неизведанных земель. Больше всего на свете Стекляшка хотел стать путешественником. Он листал журнал «Вокруг света», пожирая глазами яркие фотографии тропических островов, таинственных карнавалов и непонятных обрядов, странных обычаев народов, населяющих те далекие города. Он мечтал оказаться там, идти за весной, твердо ступая по земле. Мечтал просто с силой сжать руку в кулак, ударить в стену, ощутив не болезненный треск ломающихся костей, но свою силу, свою ярость.

А ярости в нем накопилось немало.

Стекланный человек.

Беспомощное существо, вечно прикованное к инвалидной коляске. И даже все эти физиопроцедуры, ежедневные массажи, занятия спортом со специальными преподавателями – все это лишь показывало, какой он на самом деле слабый. Какой хрупкий. Какой жалкий!

И ночами, лежа в полном одиночестве в большой просторной палате, Стекляшка краем уха слушал переговоры дежурной медсестры с врачом в коридоре, следил за тенями в углах комнаты и мечтал, мечтал...

4

– К нам новенького везут, – сообщил в один из дней Бабочка.

– Еще один? Хм... нас становится больше, – усмехнулся Стекляшка, уставившись в телевизор, что притащили волонтеры из очередного фонда. – И что с ним?

– Не знаю. Слышал, что у него болезнь... это... снегерия.

– Чего?!

Бабочка весь сконфузился, тут же осторожно принялся чесать свое тело под повязками, сделав вид, что безумно занят. День нынче выдался солнечным, не таким, как обычные октябрьские дни. Температура поднялась аж на семь градусов, и уже привыкшее к осенней прохладе тело Бабочки незамедлительно отреагировало болезненным зудом. О вечерней ванне думать и вовсе не хотелось. Каждый такой поход заканчивался новыми язвами и ссадинами, новой болью.

– Снегерия? Такой болезни не существует, – назидательным тоном произнес Стекляшка.
– Ну-у... А тебе-то откуда знать? Ты что, самый умный что ли? Раз доктора сказали, значит снегерия.

– Уж поумнее некоторых, – огрызнулся Стекляшка, шелкнув лентяжкой и переключая канал.

Показывали лыжные гонки где-то в Швейцарии. Худые спортсмены в смешных пестрых шапочках выделывали невероятные трюки, прыгали, вытянувшись, как пружина, отталкивались от земли сильными ногами. Засмотревшись на них, Стекляшка и вовсе позабыл о Бабочке и его новости.

– Докторам виднее! – напомнил тот о себе.

– Они, наверное, не это имели в виду.

– Именно снегерия. Так и сказали... – и тут Бабочка приуныл, – сказали, что случаев этой болезни всего около пятидесяти по всему миру.

Вся его гордость моментально испарилась, и он тут же вспылал жгучей ненавистью к тому ребенку, которого должны были скоро привести.

– Снегерии не бывает, – вновь произнес Стекляшка. – Я читал, я знаю.

– Всего ты все равно не знаешь, – злобно кинул Бабочка. Он встал и направился к выходу из палаты.

– Куда ты?

– Пойду к себе на этаж, посмотрю на этого новичка. Вроде бы его в мое отделение поместят.

– Иди-иди, заодно диагноз узнай. Снегерия... – Стекляшка делано рассмеялся. – Болван ты, Бабочка.

Бабочка раздраженно хлопнул дверью, при этом напугав дежурную медсестру.

5

По уродству новенький мальчик вполне мог бы посоперничать с Горбуном. Бабочка стоял у стены и во все глаза разглядывал новопривывшего, когда делегация врачей и каких-то незнакомых людей в костюмах провела этого, больного... снегерией ребенка в палату.

«Значит, со мной будет жить», – подумал Бабочка, почесывая зудящий локоть.

Новенький мало походил на ребенка семи лет, скорее был похож на сморщенного большеголового старика, очень худого, с тонкой серой кожей и крысиным лицом. Грустным отсутствующим взглядом он смотрел куда-то в окно, в то время как врачи о чем-то совещались, листали бумаги, вдумчиво вчитываясь в каждую строчку. Несколько раз кто-нибудь из них пытался заговорить с мальчишкой приторно-ласковым голосом. Таким же неправдоподобным, решил Бабочка, как рассказы Стекляшки о привидениях, якобы обитающих на его этаже. Привидений там никаких не было, это Бабочка прекрасно знал: этаж едва после ремонта, да и само больничное крыло только-только открыли. Сколько об этом твердили в городских новостях! Сколько всевозможных взрослых побывало здесь за ту неделю, что Бабочка провел в этом блоке, а сколько их было до него! Нет, нет тут никаких привидений. Вот чудовища – это другое дело...

Новый мальчик, которого Бабочка уже успел про себя назвать Старикашкой, выказывал полное равнодушие и к взрослым, и к больнице, и к осени за окном. Казалось, ничто в этом мире не интересует его. И взгляд его пустых глаз чем-то напоминал взгляд Горбуна, который содержался в отдельной палате на Стекляшкином этаже и был таким страшным, что даже новенькая медсестра, впервые увидев его, невольно вскрикнула. В его глазах таилась тоска и смирение. В них не было больше ни жизни, ни надежд. Целыми днями Горбун лишь сидел на

кровати и смотрел в стену. Даже спал так. И вот точно такие же глаза Бабочка теперь видел у Старикашки.

«Что же с ним такое?» – думал он, исподтишка рассматривая новоприбывшего.

– Синдром Хатчинсона-Гилфорда, да! – гаркнул вдруг один из врачей.

Бабочка уцепился за эти три слова и, пока они еще не выветрились из памяти, поспешил в комнату Алисы.

– Пименко, чего шаптаете тут?! – твякнула одна из медсестер. – Взбучки хочешь?! Тут главврач, начальник отделения и еще много кого, а ты бродишь!

– Я к Алисе, только на минутку, – отозвался Бабочка и прошмыгнул в дверь.

В комнате, по обыкновению, было темно. Алиса – хрупкая одиннадцатилетняя девочка с темными длинными волосами и бледной кожей – равнодушно сидела на кровати с ноутбуком на коленях.

– Привет. Поищи, пожалуйста, что такое... эффект Гатчинсона и Клифорда.

– Ты чего притащился, Бабочка? Не видишь, занята я, хочу одна побыть! – отозвалась Алиса, и так посмотрела на Бабочку, что тот ощутил жжение. Только в этот раз оно не было болезненным, и жгло не кожу, а где-то внутри, в той самой части его души, где хранились величайшие тайны и воспоминания. «Еще чуть-чуть, и она догадается!» – испугался Бабочка и поспешно отвел глаза.

– Алис, ну пожалуйста. Очень надо!

– Зачем? – Она продолжала внимательно изучать его взглядом.

Лицо ее было очень худым, кожа бледная, с несколькими шрамами на лбу и на подбородке. Нос у переносицы раздут, словно бы на него надели кожаное кольцо, глаза впалые, но... красивые. А когда она улыбалась (это случалось крайне редко) можно было видеть ее красноватые зубы. За это, и за то, что она боялась света, Стегляшка называл ее Упырихой. Но у Бабочки язык не поворачивался так назвать девочку, – самое прекрасное существо, которое он когда-либо встречал. Для него она всегда была Алисой. Именно так, и никак иначе, с некоторым трепетом в голосе и смущенным взглядом в сторону, куда угодно, лишь бы спрятаться от ее пронзительных глаз. В такие моменты Бабочка радовался, что Алиса боится света, и в комнате всегда сумрачно. А еще радовался тому, что на щеках у него сохранились старые шрамы, заработанные во времена, когда он только учился ползать и нередко падал лицом прямо на грубую ткань; именно это спасало его теперь от естественной при смущении красноты.

– Так зачем? – повторила вопрос Алиса.

– Новенького привели; он страшный весь, сморщенный, как инопланетянин с планеты стариков, – попытался пошутить Бабочка, но, увидев, что Алиса не оценила его шутки, поспешно продолжил: – В общем, сказали, что он такой один из... пятидесяти на всю планету. Хочу узнать, что это за болезнь такая.

– М-да... – вздохнула Алиса. – Что там за эффект?

– Гатчинсона и... этого... как его... Килфорда.

Какое-то время она молча стучала по клавишам своего портативного компьютера, и блеклый свет плясал на ее лице, отчего оно казалось еще бледнее.

– Нет ничего такого, – наконец, сказала Алиса.

– Такая редкая болезнь, видимо...

– Скорее, ты что-то напутал.

Бабочка посмотрел на Алису и с удивлением обнаружил, что она улыбается. Сердце его растаяло.

Она была дочерью какой-то очень серьезной и вечно сердитой женщины, частенько выступавшей по телевизору. Отца у Алисы не было, а мать с утра до вечера звонила ей и изводила претензиями и вздохами разочарования. После таких звонков Алиса обычно была

очень злая, либо же плакала, запершись в своей комнате. И Бабочке очень хотелось утешить ее, обнять, – и плевать, что подобное бы оказалось крайне болезненно для него самого. Ради Алисы он готов был сделать все. Его даже нисколечко не смущал тот факт, что при свете ламп девочка отдаленно напоминала маленькую высохшую мумию, что она была вечно угрюмая и неразговорчивая, что ей не доставляло удовольствия наблюдать за происходящим на улице, и что она яростно ненавидела солнце, так как оно своими лучами запросто могло сжечь ее кожу. Бабочке даже было плевать, что ее болезнь гораздо реже, чем его собственная – в мире было зарегистрировано всего около двухсот подобных случаев. Алиса попросту не попадала в его классификацию, как, скажем, этот Старикашка, со своим эффектом... Гитченсона и Халфорда.

А еще Бабочка чувствовал с ней некоторое родство, так как ему казалось, что их заболевания схожи. Оба страдали от слабой кожи, покрывались язвами и рубцами. Просто она не могла переносить света, а он прикосновений.

Именно потому было больно осознавать, что через неделю Алиса уедет в Германию, где в какой-то сверхсовременной клинике ей будут делать операцию. И донора уже нашли... знать бы еще, что это такое? И если все пройдет хорошо, она станет самой обычной девочкой и тут же забудет этот корпус и Бабочку. Она будет нормальной, как дети в соседнем крыле... Те, кто смеются и называют Бабочку уродцем, те, кто тайком курят за углом здания, сидят на лавках в парке и глазуют на небо, бегают и тычут друг друга в плечи и в грудь... Она станет нормальной, а он, Бабочка, так и останется калекой, ведь его БЭ неизлечим.

И потому, где-то в самом укромном уголке души, Бабочка желал, чтобы Алису не вылечили, чтобы она осталась такой же, как он, в этой самой больнице, рядом с ним. Рядом! И за подобные мысли ему было вдвойне стыдно, даже страшно...

– Да нет, именно так, – пробубнил Бабочка.

– Есть вот что, – сказала вдруг Алиса. – Синдром Ха-а-тчинсона-Ги-и-лфорда, известный так же как детская про-ге-ри-я. Это?

– Про-ге-ри-я... – задумчиво произнес Бабочка. В этот момент он убедил себя, что ни о чем не станет рассказывать Стекляшке, тот и так весь зазнался уже. – Да, наверное, оно.

– Ну-у, слушай тогда. Про-ге-ри-я... про-герия... прогерия, вот! – один из редчайших генетических дефектов. При прогерии возникают изменения кожи и внутренних органов, которые обусловлены преждевременным старением организма. Класси-и-фицируют детскую прогерия, синдром Хатчинсона-Гилфорда, и прогерия взрослых, синдром Вернера. Синдром Хатчинсона-Гилфорда, или по другому, Х-Г-П-С... был впервые описан в научном журнале доктором Джон-а-атаном Хатчинсоном в 1886-м году, и доктором Гастингс-с-оном Гилфордом в 1897-м году, в Англии... Так, что еще? Ага! Причины прогерии. Вот! Девяносто процентов детей с прогерией имеют мутации в гене, кодирующем белок Ла... Ламин А... который обеспечивает оформленность ядра. Считается, что дефектный белок... Ламин А де-е-формирует ядра клеток. Такая де-е-формация может привести к процессу прежде-е-временного старения.

– Во-о дела... – пробормотал Бабочка. – Он, значит, стареет, не успев стать взрослым.

Алиса подняла глаза и внимательно посмотрела на Бабочку.

– Тут еще кое-что написано, – испуганно проговорила она.

– Что?

– Такие дети не живут дольше тринадцати лет...

В комнате воцарилось напряженное молчание.

Сереза Меньшов, а именно так звали новенького, был отказником. Когда болезнь начала проявляться, а ему тогда едва исполнился два года, родители, не задумываясь, сдали его в

детский дом. В этом он был схож с несчастным Горбуном. Поначалу врачи не обратили на ребенка никакого внимания, и лишь со временем, когда изменения стали налицо, задержались. К тому моменту маленький Сережа уже достаточно натерпелся насмешек со стороны остальных детей (то, как назвал его Бабочка, было полной ерундой по сравнению с тем, как называли его в детдоме старшие ребята) и безразличности со стороны воспитателей.

Когда, наконец, смогли правильно поставить диагноз, болезнь с жутким названием «прогерия» уже зверствовала во всю, превратив его юное тельце в сморщенный огрызок. Он отощал, стал больше уставать, пропал аппетит, постоянно кружилась голова. Диагнозы следовали один за другим: аритмия, гипертония, начальные стадии атеросклероза... Он потерял все волосы, резко ухудшилось зрение, начали выпадать зубы. По восемь месяцев мальчик проводил на больничной койке. Доктора лишь разводили руками: прогерия была неизлечима.

По воле случая о Сереже прознала какая-то благотворительная организация, начались переговоры с руководством детдома, привлечение внимания общественности, петиции и прочее. О нем писали в газетах, показывали по телевизору. Итогом этой возни стало то, что Сережу бесконечно таскали из одной больницы в другую, обследовали, что-то записывали в карту, кололи уколы, снова обследовали, брали кровь на анализ, задумчиво хмыкали себе в усы – и так до бесконечности.

Дни же, словно желтые слизи, тянулись один за другим, оставляя за собой мерзкий липкий след.

Когда он оказался на кровати в одной из палат недавно открытого отделения по исследованию детских патологий, Сереже было уже на все наплевать. Он не обращал внимания ни на взрослых, ни на детей, лишь смотрел куда-то в сторону окна, на серое октябрьское небо, сквозь него. Туда, где по его представлению, находился Бог. Тот самый, к которому он скоро намеревался отправиться.

Станный, замотанный, словно мумия, мальчишка с рубцами на бледном лице, от которого пахло мазями, и который постоянно чесался, пришел к его кровати ближе к вечеру.

– Привет, – сказал он.

Сережа проигнорировал его. «Сейчас опять смеяться начнет», – подумал он, продолжая разглядывать сумрак за окном.

– Привет, – повторил мальчишка. – Не слышишь меня?

Он наклонился и помахал забинтованной ладошкой прямо перед носом у Сережи.

– Глухой, что ли?

– Нет, – вздохнул Сережа.

– А-а-а... Просто тут у нас есть один, он глухой, – сказал мальчишка. – Меня Сашей зовут. Но... все называют меня Бабочкой.

Сережа повернул голову и посмотрел на своего соседа по палате. «Какое странное прозвище», – подумал он, вспомнив, как однажды на прогулке поймал бабочку, а на пальцах осталась ее пыльца. Бабочка была яркая, такая же, как радость, например, и когда раскрывала крылья, греясь на солнышке, можно было видеть замысловатый узор, сотканный из летних красок. Но... после того как он коснулся ее пальцами, узор стерся. Крылья стали прозрачными, блеклыми... И раздосадованный Сережа раздавил бабочку, размазал ее подошвами кед по асфальту, а потом со слезами побежал в корпус. Ему стало страшно. В какой-то мере он совершил то, что совершала в нем его болезнь: он уничтожил прекрасное.

– Бабочка? А почему? – тихо спросил он.

– Ну-у, у меня кожа такая. Это болезнь, бу-лле-з-ный э-пи-дер-мо-лиз называется. Вот.

– А как это?

– А меня касаться нельзя, кожа тогда болячками покрывается. Потому вот я такой замотанный.

Сереза сглотнул: в памяти вновь предстал случай с бабочкой.

– А твоя болезнь называется снеге... прогерия. Вот. Я знаю. – Бабочка весь зарделся, даже выгнулся немного, таким умным он себя почувствовал. – И такие, как ты, долго не живут.

Сереза пропустил последнее мимо ушей.

– Здесь нас немного, – никак не мог уgomониться Бабочка. – Вместе с тобой пятеро будет. Есть Стекляшка, он мой друг. У него кости из стекла.

– Из стекла?

– Ага, толкнешь его, и он весь развалит^ься. А еще есть Горбун, но он такой страшный, что никуда не выходит. Сидит у себя в палате. Он здесь уже давно. Его родители в детстве бросили, и он говорить не умеет.

Сереза внимательно посмотрел на Бабочку. Губы его сжались. Лишь на секунду в груди полыхнуло что-то... что-то напоминающее ярость, протест... Но все тут же прошло, остался лишь октябрьский ветер, тихо шелестящий дождем.

– А еще есть Алиса. Она как настоящий вампир. Она боится света и у нее красные зубы. Поэтому она днем спит, а ночью бродит по коридорам...

– И что, кровь пьет?

– Не... знаю, может и пьет. Она очень серьезная. У нее есть ноутбук.

Старикашка посмотрел на Бабочку.

– Ноутбук? А что это?

– Ну, ты даешь! – изумился Бабочка. – Это компьютер, маленький такой. С него в интернет ходить можно. С людьми разговаривать. Я там даже таких, как ты, видел... Вас всего пятьдесят с лишним, – и при этом голос Бабочки как-то странно изменился, стал более серьезным. – А я вот такой один на сто тысяч.

Бабочка отвернулся, врать он не умел, но и не похвастаться не мог, потому и увеличил цифру вдвое. К тому же, он свято верил, что Господь обязательно накажет его, боялся этого, но все равно иногда не мог удержаться ото лжи.

– Ясно, – равнодушно вздохнул Сереза.

– Я это... мы, то есть... не против, если мы тебя Старикашкой звать будем? – спросил Бабочка, но с таким видом, что стало ясно: ответ его мало интересует. Он не спрашивал, он сообщал.

Сереза ничего не ответил: старикашка так старикашка. Он уже привык.

Тут вошла медсестра и увела Бабочку принимать ванну. При ее словах мальчишка весь скривился, помрачнел. Но ничего другого, как подчиниться, ему не оставалось.

А Старикашка так и сидел на кровати, глядя в темноту за окном. На еще один октябрь, еще одну осень в этом злом мире, где ему осталось совсем недолго.

Ночью по коридору бродили привидения. Белые, полупрозрачные, они тихо завывали, шелестя по гладкому полу своими рваными одеждками. Они проходили сквозь стены и двери, заглядывали в пустые палаты, словно бы чего-то искали.

Стегляшка трясся от страха, закрывался с головой одеялом, не желая видеть их пустых глаз и раскрытых ртов, в которых зияла могильная тьма.

Привидения столпились над его кроватью, одно из них уселось в его инвалидное кресло.

Штифт в правой ноге пульсировал, а все пережитые переломы ныли в эту холодную октябрьскую ночь, и нытье их смешивалось со звуками осени за окном. В холле дежурная медсестра склонилась над бульварным романчиком, и местные призраки ее не волновали. Между поворотами не особо интересного сюжета она с болью думала о своих двух подопечных:

детях, страдающих от жутких и неизлечимых болезней. И даже второй, вечный молчун с ужасными наростами на всем теле, из-за которых он не мог спать лежа, ничуть не пугал ее. Первый шок давно уже прошел, она смирилась и привыкла. Поняла, что ужасен не ребенок, а болезнь, превратившая его в такое...

Привидений она, естественно, не замечала.

А вот Стекляшка их видел, и сейчас, если бы не трясся от страха, то очень бы разозлился на Бабочку, который утверждал – да еще с таким наплевательским видом! – что никаких привидений здесь нет. Как нет?! Да вот же они!

«Чертов Неженка!» – думал Стекляшка.

В чудищ, о которых неустанно твердил Бабочка, он, напротив, не верил. Привидения – это штука такая, потусторонняя. Она ночью есть, а днем исчезла. А монстры – им ведь прятаться где-то надо.

Постепенно мысли о привидениях сменились грезами о том, как было бы прекрасно сейчас вскочить с постели и броситься бежать. Бежать долго-долго, до тех пор, пока не наступит рассвет, до тех пор, пока ты не перегонишь зиму и не окажешься на пороге весны. Вечной весны, беззаботной, солнечной, яркой.

Страх отступал. И сон, который последнее время шел очень плохо, из-за чего Стекляшка подолгу валялся в постели с открытыми глазами, а засыпал лишь перед самым рассветом, наконец-то дал о себе знать.

Призраки пропали. А вместе с ними растворилась и вся больница. Стекляшка оказался в месте под названием Эквадор. Он стоял у черты, обозначающей нулевую широту. И он перепрыгивал с одной ее стороны на другую, тем самым пересекая целые полушария. И как это было прекрасно, как стремительно быстро. Просто прыгать, просто скакать. Там, вдали от болезни и врачей, вдали от мамы и спрятанных фотографий отца, который бросил семью, когда Стекляшке было полгода, вдали от хруста ломающихся костей и лязганья инвалидной коляски. Вдали от стеклянного человека.

Вдали от октября.

И, что самое странное, вдали от единственного и дорогого друга – потому что других друзей попросту не было. Вдали от Бабочки. Ведь Бабочка – это настоящая жизнь и болезни, разные, страшные. А Эквадор – там все должно быть по-другому.

Все иначе...

8

По обыкновению, мать позвонила ближе к полуночи. Это было вполне нормально, так как она допоздна засиживалась у себя на работе в мэрии, готовясь к очередным выборам (и постоянно горестно вздыхала о том, что на второй срок ее вряд ли изберут – виноватой в этом она почему-то считала дочь) и знала, что в это время Алиса еще не спит.

– Привет, – сказала мать.

– Привет, – ответила Алиса, глядя в монитор и слушая музыку. Энрикио Эглесиас пел о любви.

После ухода Бабочки она заинтересовалась этой странной болезнью – прогерией – и теперь просматривала видеоблог некоего TsimFuckis, который, как предполагалось, уже умер.

– Ну как ты там?

– Нормально, в инете сижу.

– Гулять-то хоть ходишь?

– Иногда, – односложно ответила Алиса.

– Ты не ленись гулять, свежий воздух очень полезен. Да и солнца сейчас практически нет. Осень, тучи одни.

– Да... я знаю, мама.

Параллельно Алиса нашла в сети американский документальный фильм об одном индусе, страдающим от синдрома Протея. Это была та же болезнь, что и у Горбуна. Только по сравнению с этим индусом Горбун еще выглядел нормально, не такой страшный.

– Знать недостаточно, – голос матери обрел железные нотки, – нужно еще и делать. Так что, не стесняйся надевать свой костюм и выходить с остальными в парк.

Алиса со злостью глянула на висящий в углу «костюм» – настоящий космический скафандр, большой и смешной, призванный защитить от попадания прямых солнечных лучей на ее кожу. В нем было душно и неудобно. Да и смотрелся он как-то по-дурацки.

– Хорошо, мама, – пробормотала Алиса, специально сделав звук ноутбука громче. Может, тогда догадается и отстанет от нее.

– Что хорошо?! – вдруг гневно крикнула мать, но тут же замолчала. Повисла долгая напряженная пауза. – Извини, – сказала она, наконец. – Просто тут достали уже все. Говорят, мол, дочерью чтобы я занималась лучше, а не работой. Второй срок мне не светит... Проклятые журналисты...

Дальше начались типичные стенания, и Алиса пропускала их мимо ушей, внутренне подготавливаясь к новому взрыву. А он непременно наступит. Как только мать перестанет жалеть себя, она накинется на Алису, считая дочь виноватой во всех неудачах с работой.

– На пятницу будь готова, – произнесла мать. – Самолет уже заказан, в Германии тебя ждут. То, что нам удалось найти донора, можно сказать, исключительный случай. Стволовые клетки из пуповинной крови, это дело такое. Так что, нам еще повезло... Ты меня слушаешь вообще?

– Да.

– Отвлекись хоть на чуть-чуть от своего интернета, – попросила мать. – Поговори со мной. Речь ведь идет о твоём выздоровлении. Если все пройдет удачно, ты больше не будешь так реагировать на свет.

Алиса закусил губу, с тоской посмотрела на лежащие в ногах журналы о моде. На них красивые девушки в дорогих платьях и украшениях. Тела их были смуглыми от загара, подтянутыми и ухоженными. Зубы белые. Как Алиса мечтала стать одной из них. Вот такой же. Чтобы можно было носить короткие шорты и топики, лежать на пляже в открытом купальнике и наслаждаться лучами солнца... Не бояться, что ультрафиолет разьест твою кожу, что ты покроешься волдырями и умрешь меньше чем за минуту от болевого шока.

Алиса открыла новую страничку и в поисковике набрала одно единственное слово. Слово, что являлось ее приговором с рождения.

«ПОРФИРИЯ»

– Алиса?

– Да, мама.

«Эритропоэтическая порфирия, – прочитала девочка, – известная так же, как болезнь Гюнтера. Редкий аутосомно-рецессивный дефект, ведущий к хронической фоточувствительности, поражению кожи и гемолитической анемии. Пораженные болезнью Гюнтера избегают света, поскольку он вызывает жжение, у них имеются также выраженный диффузный гипертрихоз, рубцы и эритродонтия...»

Все это она прекрасно знала: читала уже **ни** раз, слышала от врачей, от матери. Но каждый раз возвращалась к этому неточному определению в интернете. Фоточувствительность. Боязнь

света. И никуда ты от этого не денешься. Правильно говорили о ней другие дети: она настоящий вампир. Бледная, с красноватыми зубами и боится солнца. Только вот крови ей не надо, да и в мышей летучих она превращаться не умеет. Она...

– Алиса, дочка?

– Что, мама?

– Я... я люблю тебя, – и сказано это было практически шепотом. Тихо-тихо, что даже Стекляшкины привидения не услышали бы, будь они сейчас здесь.

Алиса подняла голову и посмотрела куда-то в стену, губы ее дрогнули, на глаза навернулись слезы. Эти слова ранили сильнее, чем все упреки, которыми регулярно осыпала ее мать. Эти слова...

– Я тоже тебя люблю, мама...

Но на том конце слышались монотонные гудки.

9

Старикашка храпел. Он храпел так громко и так надрывно, как храпят настоящие старикашки. И из-за этого Бабочка никак не мог уснуть. Он ворочался (кажется, даже сvez небольшой участок кожи на пояснице, и теперь там все болело и жгло), вздыхал, злобно глядел на своего соседа, что-то ворчал себе под нос.

– Всего около пятидесяти по всему миру, подумаешь! Это еще не значит, что можно так шуметь.

Сон постепенно одолевал его, и реальность этой октябрьской ночи медленно переплеталась с грезами сновидений.

Под кроватью Старикашки сидело что-то злое и страшное. Оно смотрело на Бабочку шестью парами глаз и ухмылялось зубастой пастью, из которой на пол стекала густая слюна.

«Как же так?! – испугался Бабочка, – Ведь я сам заглядывал днем под все кровати, и там было пусто. Откуда же взялся этот монстр?!»

Чудовище не ответило, продолжая тарачиться на Бабочку и злобно пощелкивая клешнями. Сейчас оно выползет, пересечет комнату и вопьется в нежную кожу Бабочки. Будет рвать и терзать его, и боль будет адская. Такая же, как была в детстве, которого Бабочка толком и не помнил – в памяти сохранились лишь ощущения, пронизанные болезненно-алым светом. Или такая же, как на прошлой недели, когда папа... когда...

...схватил за руку и с силой дернул.

Время там было ближе к ночи, и Бабочка, развалившись в кресле, отчаянно капризничал, требуя включить мультфильмы. Телевизор у них всего лишь один, большего семья позволить себе не могла (поэтому счета за медикаменты для Бабочки и за содержание его в стационаре на плановом лечении повергли родителей в шок; спасла их общественная организация помощи детям-инвалидам), и тем вечером отец собирался смотреть футбол. Он готовился к этому матчу неделю, и потому, когда началась трансляция, а Бабочка начал канючить, требуя мультики, отец очень быстро утратил контроль над собой. Поначалу он просто ворчал. Потом голос его изменился, став угрожающе тихим. Последней попыткой разрешить все мирно стал приказ отправляться спать. Бабочка упрямылся, ссылаясь на еще довольно раннее время.

– Нет, не пойду спать, – бубнил он. – Суббота же! А в десять вечера ложится лишь одна малышня.

– Нет, пойдешь, – прорычал отец.

Мама же в это время была в ванной, а потому не могла вмешаться и предотвратить назревающую катастрофу.

– Ну, рано же еще!

– Саша, я что сказал?

Бабочка не верил в серьезность слов родителя; впервые в жизни мальчик решил проявить силу характера.

– Нет!

В этот момент забили первый гол. Отец, посмотрел сначала на экран, затем повернулся к сыну, и лицо его помрачнело.

– Нет, значит?

Он поднялся и подошел к Бабочке. В следующее мгновение руку пронзила жгучая боль, Бабочка оказался на диване и тут же ощутил два сильных шлепка по заднице. Он закричал, а когда кожа окончательно расплзлась на всех затронутых грубыми отцовскими руками местах, крик его перерос в настоящий звериный визг.

Тут же из ванной выскочила мать, в халате, с растрепанными мокрыми волосами и мыльной пеной на щеке. Она бросилась в комнату, где застала перепуганного мужа и верещащего от боли Бабочку. Футболка у него на предплечье пропиталась кровью, сам же ребенок лежал на боку и рыдал; его била дрожь.

– Ты... ты что сделал?! – накинулась мать на отца.

– Я... я... – бормотал тот, с ужасом разглядывая сына.

И вот тогда забили второй гол.

С тех пор отец все время был грустным. Он старательно отводил глаза от сына, боялся даже приблизиться к нему. Что-то лепетал, даже попросил прощения. И Бабочка, по природе своей совсем незлопамятный, конечно же, простил папу. Но отец не повеселел. Во время последнего посещения он и вовсе не поднялся к Бабочке в палату, остался стоять у входа, дожидаясь возвращения жены.

Бабочка видел его из окна, видел, как отец смотрел на смеющихся в парке при больнице нормальных мальчишек. Те хвастались своими гипсами, честно заработанными во время бега по гаражам или очередной глупой игры в догонялки. Отец смотрел на них с какой-то тоской, даже... с завистью?

И все то время, пока мама кудахтала рядом, выкладывая из пакета привезенные фрукты и комиксы про супергероев, задавая вопросы об обязательной вечерней молитве и рассказывая о милости Господней, Бабочка наблюдал за отцом. Так же, как иногда по утрам наблюдал за дворником.

Взгляд отца в сторону нормальных мальчишек ранил страшнее, чем его руки, бьющие по попе.

Папа...

Чудовище под кроватью Старикашки вновь угрожающе щелкнуло клешнями.

«Алиса могла бы меня понять, – подумал Бабочка, – она такая же». И в этот момент он внезапно пришел к страшному выводу – сделал, можно сказать, одно из величайших открытий в своей жизни – только эти дети, находившиеся тут, вместе с ним, и способны его понять. Как и то, что только он может понять их. Больше никто. Ни родители, ни волонтеры, ни доктора и не журналисты. И даже Господь не в состоянии понять и осознать всю трагичность их положения, иначе стал бы он так издеваться над ними? Разве это его любовь?

А потом, таинственность ночи нарисовала новую картину: они шли с Алисой по улицам какого-то незнакомого города. И тут, откуда-то из подворотни появлялись чудовища, на подобие того, что нынче сидело под кроватью Старикашки. Много чудовищ. Они разевали свои зубастые пасти, скрежетали когтями, смотрели на детей налитыми кровью глазами. И тогда Бабочка бросился на них. Он ловко увертывался от их яростных атак, бил руками и ногами по их лоснящимся мордам. Он больше не был ребенком-инвалидом, чья кожа расслаивается от малейшего трения. Он был взрослым и сильным. И он защищал свою любовь. Да, битва

оказалась не из легких, и под конец ее Бабочка стоял среди поверженных монстров, которые вздыхали и ахали, хныкали и заливались слезами. На груди у Бабочки отпечатался след от гигантских когтей – одно из чудищ царапнуло его лапой.

– Тебе больно, Бабочка? – спрашивала Алиса.

– Нет, пустяки, – отмахивался он, стирая капли крови с груди. – Эти злыдни мне ничего не могут сделать!

– Ты такой... такой смелый! Ох, Бабочка! – шептала Алиса, всем телом прижимаясь к нему.

– Я просто защищал девочку, которую... которую... очень сильно...

Но даже в сладкой дреме он не мог вымолвить этих слов; краска заливала его, он смущался, но не в силах был признаться ей в том, что любит ее.

Любит...

10

Старикашка проснулся во втором часу ночи.

Ему снился какой-то мутный кошмар, где мир вращался вокруг пурпурного цвета воронки, и все постепенно растворялось в ней: жизнь, молодость, надежда... И даже сам он соскользнул и полетел в центр этой воронки, чувствуя, как кожа его сморщивается, как выпадают зубы. Он старел, старел, старел. И было очень больно...

Старикашка сел на своей кровати и заспанными глазами посмотрел на похрапывающего Бабочку.

«И чего это он так расшумелся?» – подумал Старикашка.

Бабочка что-то пробубнил во сне, кажется, то было какое-то имя. Алиса или Анфиса... Не важно.

Старикашка слез с кровати, сунув ноги в холодные больничные тапки и вышел в коридор. Дежурной медсестры на посту не было.

– Хм...

Где находится туалет, ему показали еще днем, но с приходом ночи и переводом освещения на ночной режим, коридор словно бы изменился. Стал более глухой и пустынный, настоящий особняк ужасиков. Побродив там-сям и наконец-то обнаружив заветную дверь, Старикашка облегченно вздохнул. Ему хотелось быстрее вернуться в палату и забыться беспокойным сном, укрывшись с головой под теплым одеялом.

Когда он вышел в коридор минуту спустя, медсестры по-прежнему не было. И куда только она запропастилась?

Но дойдя до двери в свою палату, Старикашка вдруг замер. Он вспомнил, что рассказывал тот странный перебинтованный мальчик. Мальчик-бабочка. Он говорил о некоем Горбунке, который якобы живет этажом ниже, совсем один, и не видит никого, кроме врачей им занимающихся.

«Значит, он такой же, как я!» – подумал Старикашка, и что-то в душе у него шевельнулось.

Он воровато оглянулся на пустующий пост дежурной медсестры и поспешил к лестнице на другой этаж, стараясь при этом как можно меньше шаркать ногами.

Так уж вышло, что и на этом этаже медсестра отсутствовала – она пила чай и болтала с доктором в смотровом кабинете, – и потому некому было остановить странного сморщенного старичка с большой головой, забредшего сюда не иначе как по ошибке.

Старикашка заглянул в одну из палат, та оказалась пустой. Затем в другую, где взгляд его остановился на инвалидном кресле, в котором сидело настоящее привидение. Недолго думая,

Старикашка захлопнул дверь и с гулко бьющимся в груди сердцем поспешил к следующей палате. Лишь в четвертой он обнаружил Горбуна.

Странная, даже гротескная, словно вылепленная из пластилина неким неумехой, фигура темнела на одной из дальних кроватей.

Старикашка осторожно приблизился и посмотрел на Горбуна. Тот не спал, в свою очередь с неким страхом и удивлением рассматривая самого Старикашку.

– Привет, – сказал Старикашка. – Я такой же. Меня тоже пугают.

Горбун промолчал.

На него действительно было жутко смотреть. Раздувшийся лоб, неровной формы подбородок, глаза спрятаны где-то в самой глубине лица. Волос тоже нет. Правое ухо на порядок вышел левого. Руки разной длины. Шеи нет, а из-за спины возвышается огромный уродливый горб.

И глянув на него этой темной октябрьской ночью, Старикашка вдруг понял, отчего так расширялись глаза тех взрослых, кто видел его, Старикашку, впервые. Это был шок. Ненормальность. Шрам, что оставляла в их сознании его внешность.

– Можно?

Старикашка осторожно сел рядом, отвернулся и посмотрел куда-то в стену.

– Моя болезнь называется прогерия. Я очень быстро старею и скоро умру, – пробормотал Старикашка. – Но я не боюсь этого. Наоборот, хочу умереть.

Горбун по-прежнему хранил молчание. Старикашка вспомнил, что кто-то – то ли Бабочка, то ли Стекляшка – рассказывал ему о том, что Горбун не умеет говорить.

«Ну и ладно, – подумал Старикашка, – зато я умею. Этого достаточно».

– Я Сереж... Серега я, вот, – представился Старикашка. – А еще я только что видел привидение.

Горбун повернулся и удивленно посмотрел на Старикашку. Из-за болезни он не мог поворачивать голову, а потому, ему пришлось развернуться всем телом.

– В палате у стеклянного мальчика, – неуверенно произнес Старикашка.

– Привидений ннне бббывает, – сильно заикаясь, протянул Горбун.

Старикашка от удивления раскрыл рот, но тут же спохватился.

– Как это не бывает?! Я только что видел одного. Белый такой, глаза черные, сидит в инвалидном кресле спокойно так, ждет чего-то.

– Ннне бббывает привидений, – упрямо повторил Горбун.

– Нет бывают!

– Нет, ннне бббывает.

На какое-то время мальчишки замолчали, думая о том, действительно ли существуют привидения или же нет.

– Вввввввв, – наконец, сказал Горбун, и протянул Старикашке руку, на которой было всего четыре пальца.

Старикашка улыбнулся и пожал руку.

– А чем ты болен? – спросил он немного погодя.

– Ссиндром Ппппротона.

– Синдром Протона? Хм...

– А тттты ззнннаешь игры какие-нннибудь? – поинтересовался Горбун.

– Ну-у... да... знаю...

– Кккакие?

Старикашка посмотрел на своего первого в жизни друга.

– Можно поиграть в умирание, – пробормотал он.

– А кккак это?

– Это когда притворяешься, что умер. Надо лежать с закрытыми глазами и не дышать, даже если тебя станут будить, ты не должен реагировать.

Горбун сразу же поник.

– Я ннне могу лллежать, – вздохнул он, – у мммменя ссспина такая, ккккривая. Ммне ннникак не ллллечь.

– Ладно, – сжалился Старикашка. – Тогда сиди. А я буду лежать. И оба мы будем мертвыми.

– Да, ххххорошо, – обрадовался Горбун.

И они надолго замерли. До них доносились звуки из коридора: одна медсестра что-то спрашивала у другой, искали пропавшего мальчика. Ругались доктора. В палате Стекляшки тихонько завывало привидение. На улице перешептывался ветер, на чьих крыльях с беззвучным смехом катались души некогда брошенных детей. А в палате Бабочки, затаившись под Старикашкиной кроватью, тихонько булькал злощия монстр. По коридорам стелились яркие детские сны. Щелкала мышкой у себя в комнате Алиса, читая новые сообщения в сети от своего очередного знакомого – мальчика, занимавшегося фридайвингом и живущего в далеком южном городе, на самом берегу моря.

– А дддолго нннам так лежжжать? – наконец, спросил Горбун.

Но Старикашка ничего ему не ответил.

11

– Дура она, эта твоя Алиса! – злился Стекляшка.

– Нет не дура! Сам ты дурак, и не смей так о ней говорить! – взорвался в ответ Бабочка.

– А что ты мне сделаешь?

– Побью!

– Ты?

– Да, побью тебя! – Бабочка угрожающе поднял кулаки.

– Не побьешься, тебе больно будет, – усмехнулся Стекляшка.

– Тебе больнее...

– Эй вы, уродцы! – услышали они тут окрик и сжались.

Двое мальчишек по ту сторону изгороди весело тыкали в них пальцами, даже кинули пару небольших камешков в их направлении.

– Уродцы, а ведь ваш цирк уже уехал! – гаркнул один из насмешников.

– Чего ж вы тут делаете? – подхватил другой.

Бабочка со Стекляшкой утаивались в землю, стараясь не обращать внимания на столь обидные выкрики.

– Эй, шпана, а ну пошли отсюда! – вмешалась тут медсестра, которая следила за детьми во время прогулки. – Идите в свое отделение, иначе начальнику на вас пожалуюсь, тут же выпишет.

Насмешники поулыбались и неторопливо побрели прочь.

– Вы их не слушайте, ребятки, не обращайтесь внимания, – посоветовала медсестра. – Пусть смеются, вам-то что?

Бабочка со Стекляшкой хмуро кивнули ее словам и переглянулись. День был теплый, но пасмурный. По небу ползли тяжелые свинцового цвета тучи, но ветра практически не было. Как и листьев на деревьях.

– Ненавижу осень, – наконец, произнес Стекляшка. – Гадкое время!

– Да... я тоже ее не очень люблю, – кивнул Бабочка. – Я лето люблю. Но осень для меня лучше. Кожа не так чешется, да и язв меньше.

– У меня язв не бывает, – сказал Стекляшка. – И я лето тоже люблю. Но... – Он замялся, с надеждой посмотрел на своего единственного друга. – Летом хочется что-то делать. Мастерить там, путешествовать. А мне никак. У нас мальчишки в футбол играют во дворе, через костры прыгают, чужие грядки грабят, купаются... А я? Сажу дома и смотрю в окно. А если выйти на улицу, то тут же начинается, как вон с этими, – и он кивнул в сторону изгороди.

– Угу, – понимающе вздохнул Бабочка. – У меня примерно так же.

– И ведь так обидно!

– Обидно.

– Знаешь, – Стекляшка посмотрел на друга, – я в журнале однажды вычитал, что можно ехать по миру так, что ты всегда будешь попадать на весну. Круглый год. Нужно только правильно выбрать время и знать в какой именно город ехать.

– Как это? – удивился Бабочка. – Весна круглый год? Такого не бывает!

– Бывает, в журнале же написано. Едешь по миру, и всегда весна. Вот это здорово! Вот об этом я мечтаю. Куда-то на запад, прочь от октября...

– Подальше от больницы...

– И от себя самого.

Они надолго замолчали.

– Расскажи еще раз, – наконец, попросил Бабочка. – Как умер Старикашка?

Стекляшка тут же весь оживился: как-никак, это была самая интересная из его историй. И самая необычная. Он бы с радостью поведал ее всему миру (одному только Бабочке он рассказывал ее уже раз десять), но мир сводился всего лишь к паре-тройке людей, с которыми он общался. Взрослые были вне доверия, и им Стекляшка ничего рассказывать не собирался. Глупая Алиса слушать его историю не желала (дура! – правильно он ее обзывал), а Горбун с того раза стал еще молчаливее и равнодушнее к миру.

– Так вот, – начал Стекляшка. – Той ночью в коридоре началось какое-то движение. Все старательно искали этого Старикашку. Пропал он. Своими разговорами они разбудили меня... Кстати, в палате у меня были привидения!

– Да нет никаких привидений!

– Нет, есть!

– Ладно, – пренебрежительно отмахнулся Бабочка. – Что там дальше-то было?

– Значит, – продолжил Стекляшка, – они привели этого Горбуна ко мне – ну и страшный же он! – и усадили на свободную кровать. Сама медсестра бросилась обратно в коридор. Что-то там творилось. Я же перебрался из кровати в свое кресло, направился следом.

– И?

– В общем, Старикашка был в палате Горбуна. Вокруг него толпилась куча врачей, привезли какой-то аппарат, каталку. Когда я подъехал к палате, они уже накрывали его. Что-то там с сердцем у него случилось.

– И ты видел труп? – Бабочка задавал этот вопрос каждый раз, когда слышал эту историю. Он даже похвастался таким Стекляшкиным достижением, когда пересказывал ее Алисе, чего девочка явно не оценила.

– Конечно! – гордо заявил Стекляшка. – Холодный такой, бледный. Лежит себе на каталке и не шевелится.

– Здорово!..

Была у этой истории еще одна особенность, но о ней Стекляшка, напротив, никому не сказал. Что-то нашептывало ему, что делать этого ни в коем случае нельзя, что он попросту не имеет права.

Когда он подъехал к палате, врачи толпились возле Старикашки и о чем-то вполголоса разговаривали. «Сердце у него остановилось, – сказал один из них. – Это старость». «Не важно!

– ответил другой. – Мы должны, мы обязаны...» «Не надо, – вновь покачал головой первый, – мальчишка и так достаточно уже натерпелся; он свое выстрадал, пусть уйдет». «Это преступление! – заявил второй врач, – так нельзя!» «Геннадий Сергеевич, думаю, в этот раз можно, – спокойно сказал первый, – так будет лучше. Вы сами знаете, что это за болезнь; от нее нет лекарства. Мы просто оттягиваем его срок. Ведь он отказник, у него никого нет, ему некуда возвращаться. Подумайте об этом. Быть может... может, это и есть тот самый случай, когда приходится выбирать между долгом и состраданием?» «Нет... – покачал головой первый. – Мы не можем, нельзя...» И в этот момент он сдался. Он посмотрел на всех присутствующих, заглянул им в глаза, в души, и понял, что они поддерживают такое решение: мальчика стоило отпустить.

И тогда он обернулся и посмотрел прямо на Стекляшку.

«Сейчас мне достанется», – испугался Стекляшка. Но врач не увидел его, он смотрел словно бы куда-то сквозь него. Остальные же и вовсе отвели глаза в сторону. «Хорошо, – наконец, вздохнул он. – Пусть так и будет...»

Стекляшка не совсем понимал, что именно произошло той темной ночью, но чувствовал, что это было правильно. Что бы ни сделали врачи, они сделали это не по злости или наплевательству, наоборот, на какой-то краткий миг они словно почувствовали боль Старикашки, его отчаяние. Они позволили ему уйти. То было исключительно их решение, с которым они будут жить дальше. И он, Стекляшка, не имел никакого права трепаться об этом направо и налево.

И чуть позже, лежа в своей постели, Стекляшка пришел к выводу, что ему хочется... он желает... когда придет нужный срок, пусть эти же врачи будут рядом. Пусть именно они принимают решение.

– Завидую я тебе, – сказал Бабочка. – Целого трупа видел.

– А знаешь, мне... – Стекляшка помедлил, – мне чем-то жалко Старикашку. Умер он все же.

– Ну-у, – Бабочка равнодушно пожал плечами, – умер и умер. Все мы рано или поздно умрем.

Поднялся ветер и с неба упали первые капли дождя.

– Все, ребята, пора возвращаться. У вас сейчас обед, а потом тихий час, – сказала медсестра.

По идее, их должно было быть две, по каждой от отделения. Но, поскольку детей было мало, решили, что гулять с ними будут по очереди.

– Знаешь, что странно? – сказал Стекляшка.

– Что?

– Я об этом тебе не рассказывал, только сейчас вспомнил. Горбун. Утром, когда нас разбудили к завтраку, он сидел на кровати и ревел. Представляешь? Ревел, прям как девчонка какая-то!

– И что?

– А потом посмотрел на меня и сказал...

– Сказал?! – удивленно воскликнул Бабочка, пораженный такой новостью еще больше, чем смертью Старикашки.

– Ага, говорить он все же умеет. Так вот...

– Ну и что он тебе сказал?

– Он сказал: «Сергеа выиграл».

– Сергеа выиграл?

– Ага.

– Чушь какая-то... И что это значит?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Стекляшка.

И для них так и осталось тайной, что эти слова Горбун произнес без заикания. Он выговорил их чисто, со всей болью, какую испытывал в тот момент.

Алиса уезжала нынешним вечером, прямо перед выходными. Уже были собраны вещи, девочка вся одетая и замотанная, в кепке и очках, стояла в коридоре, дожидаясь, когда мать наговорится с докторами. Не смотря на то, что на улице было темно, ее все равно старательно укрывали от коварного света. Может, потому что в далекую Германию (а Бабочка не совсем представлял, где именно это находится), она прилетит уже завтра днем? А может...

Он ходил взад-вперед по палате, и руки его под несколькими слоями повязок жутко чесались. Бабочка и сам не замечал, как расчесывал их до крови. Боль не имела никакого значения; она не могла сравниться с тем, что творилось у него внутри.

– Чего ты какой? – смотрел на друга Стекляшка. – Весь извелся.

– Да отстань ты! – огрызнулся Бабочка.

Он хотел выйти в коридор, попрощаться, может быть... даже вполне возможно... сказать Алисе те заветные слова, что так долго скрывал от нее. Может быть... Но коварный медперсонал закрыл дверь, не выпуская их, дабы, не дай бог, они не попались на глаза матери Алисы – большой шишке в городе, политику.

Всего этого Бабочка не понимал. И если бы Стекляшка не притащился к нему заранее, сразу после массажа, то сейчас бы он и вовсе был тут один. Сходил бы с ума в полном одиночестве...

– Чего ты так пристал к этой девчонке? – не унимался Стекляшка. – Пусть едет куда хочет. Совсем скоро она будет здоровой, будет бегать по улицам и... – он замолчал, но потом решил договорить: – смеяться над тобой, как остальные дети. Станет нормальной, ты же так и останешься Бабочкой.

– Прекрати! – рявкнул Бабочка. – Алиса не такая, она знает, что такое болеть. Она понимает.

– Ну и перестанет понимать, забудет. К хорошему ведь быстро привыкаешь.

Бабочка подошел к окну и выглянул на улицу. Дорогая иномарка преданно ожидала Алису чуть ли не у самого входа в корпус. Совсем скоро она уедет. Может быть, даже навсегда.

– Странный ты, – посмеялся Стекляшка.

Бабочка повернулся и посмотрел на друга. Что-то в нем переменялось, и, увидев это что-то, Стекляшка вдруг замолчал.

– Да ты влюбился никак?

Открытие было чудовищным, ужасающим по своей разрушительности. И, вместе с тем, оно разом расставило все по местам. Стекляшка ощутил укол ревности; руки его сжались с такой силой, что он услышал, как щелкнули суставы. Пальцы заныли. Ревность вылилась в глухую бессильную ярость – вот-вот, и он может потерять друга насовсем. Но боль в руках сделала свое дело. Стекляшка разжал кулаки: ярость прошла. Осталась лишь обида.

Он отвернулся.

– Нет, – сказал Бабочка, глядя на друга.

– Да, – вздохнул Стекляшка. – По тебе видно. Все видно.

Бабочка опустил голову. Рассказать другу о таком позоре было невыносимо, и, вместе с тем, где-то на периферии сознания он понимал, что нет в этом ничего невыносимого. Кому еще об этом говорить? С кем еще поделиться такой страшной новостью?

– Да... – прошептал Бабочка и вновь повернулся к окну. – Да.

Стекляшка посмотрел на его спину. Ревность постепенно проходила. Она была такой же недолгой, как зависть самого Бабочки, когда Стекляшка рассказывал ему о том, что видел труп и слышал, как разговаривает Горбун. Это был лишь мимолетный отголосок взрослой жизни. Жизни, что, может быть, и вовсе не коснется их. Они повзрослели, но сделали это иначе. Как если бы болезнь открыла им некий тайный проход сквозь года, и в то время как остальным требовались десятилетия, чтобы почувствовать себя взрослыми, обрести мудрость, они приходили к этому за пару месяцев боли, страданий и унижений, которым подвергал их мир.

Но при этом они все еще оставались детьми.

– И ты ее действительно любишь? – тихо спросил Стекляшка.

– Люблю.

– А почему не сказал до сих пор? Ты ведь часто к ней в гости заходил.

– Не мог. Боялся. Блин, да сам посуди...

– Ладно, – Стекляшка махнул рукой.

В коридоре послышались шаги. Мама Алисы попрощалась с врачами, поблагодарила их за добродушные пожелания и все прочее и повела дочь к выходу.

– Что мне делать теперь? – спросил Бабочка.

– Бежать, – ответил Стекляшка. – Так... как ты побежал бы за своей мечтой.

– Мечтой?

– Ну да. Алиса ведь твоя мечта?

Бабочка ничего не ответил.

– Беги так, как стал бы убегать от своей болезни, от осени за окном, – сказал Стекляшка.

– Но... я не понимаю.

– Я покажу тебе.

И тут произошло нечто странное. Стекляшка вдруг впился руками в подлокотники своего инвалидного кресла и... начал подниматься.

– Бегать лучше из положения стоя, – произнес он, обливаясь потом. В глазах же читались страх и решимость. – Как за мячом, который катится впереди тебя, когда за спиной вражеская команда. Быстро, отталкиваясь сильными ногами от земли.

– Стекляшка...

Но Стекляшка уже стоял. Он толкнул рукой кресло, при этом чуть не потеряв равновесие, но сумел-таки удержаться на ногах.

– Тебе же нельзя! – запротестовал Бабочка.

– Да все мне можно, я не занятия по физкультуре и не такое вытворяю, – усмехнулся Стекляшка. – Но ты слушай. Время уходит, приготовься. Сейчас мы побежим. Вместе. За Алисой.

Он сделал нетвердый шаг, затем другой, а затем вдруг стремительно бросился вперед. Не так быстро, как хотел бы, но достаточно, для того, чтобы на миг ощутить себя сильным, быстрым, здоровым. Лишь на миг – целая вечность глазами ребенка, не способного ходить. У самой двери ноги его подкосились, раздался хруст. Стекляшка вскрикнул и рухнул на пол...

– Да беги же ты! – пробормотал он сквозь боль. – За мечтой надо бегать, быстро и смело!

– Но...

И тут Стекляшка начал пронзительно кричать. Сию же минуту палата наполнилась врачами, которые окружили распростершегося на полу Стекляшку, принялись ощупывать его ноги и о чем-то быстро переговариваться. Медсестра тяжело вздохнула и выскочила в коридор за каталкой.

Бабочка все понял.

Он осторожно обогнул врачей, кинул последний взгляд на побледневшего Стекляшку и выскользнул в коридор. Оказавшись на свободе, он помчался со всех ног.

К лестнице.

Вниз по ступеням, хватаясь руками за перила, не обращая внимания на жгучую боль в ладонях. Ведь к мечте нужно бежать быстро, не останавливаясь!

На первый этаж, мимо удивленного доктора.

К выходу.

На улицу, в холодную ночь, в октябрь...

Стекляшку перевели в отделение интенсивной терапии, замотали всего бинтами, уложили на кровать с какими-то непонятными приспособлениями в виде пропущенных сверху стальных лесок и свисающих на их концах гирь. Им занимался целый штат врачей, а его мать с утра до ночи добросовестно рыдала у его кровати.

Сам же Стекляшка улыбался, листая единственной здоровой рукой очередной выпуск журнала «Вокруг Света». Далекие страны по-прежнему манили его, но теперь больше не было той злости на собственную беспомощность, хрупкость. Он доказал, что способен на многое, и даже не столько ради себя, сколько ради друга. Ради мечты друга! Он показал Бабочке то, что хотел показать, и Бабочка правильно его понял.

Настоящий друг.

За такого и умереть не жалко... Но не сегодня. Стекляшка еще не сделал подобного шага за собственной мечтой. Но, даже страдая по ночам от бессонницы, выслушивая привидений в коридоре и песни сновидений на улице, он знал, что шаг этот будет твердым и решительным. Ничего еще не закончилось, только не в этой жизни!

Бабочка теперь не был больше один в палате. К нему привезли еще двух детей с БЭ. Они жались по углам и с ужасом следили за каждым человеком в белом халате, кто входил в палату. Бабочка их прекрасно понимал. Когда-то он был точно таким же, напуганным, затравленным. И он пытался разговаривать с ними, давал советы, смешил их. А порой даже пугал ужасным чудовищем под кроватью. Но... почему-то дети больше верили в привидений, нежели в монстров.

К Стекляшке Бабочка таскался чуть ли не каждый день, тайком от врачей. Пересказывал ему события минувшего дня: о новеньких Бабочках, о Горбуне, который теперь стал более разговорчивым – ну и заикается же он! – и начал изредка выходить в коридор, бродить тут и там. Один раз даже до глубокого обморока напугал новую практикантку, подойдя к ней ночью и попросив стакан воды – так, шутки ради.

Стекляшка улыбался, просил не смешить его, так как при падении он сломал несколько ребер, и теперь во время смеха ему делалось больно.

А по ночам Бабочка все так же следил за монстром под кроватью, слушал ветер за окном и звук двигателей проносающихся по шоссе автомобилей. Думал над тем, как вновь начать разговаривать с отцом... Наверное, стоит извиниться? А может и не надо?

И ведь когда-нибудь наступит зима. Его выпишут из больницы и отправят домой, так как раны на руке и попе уже практически затянулись, остались лишь мелкие пузыри, но с ними вполне можно справиться и в домашних условиях. Зима обязательно выдастся холодной, с Новым Годом и подарками... А там дальше – весна.

Частенько он думал о поступке Стекляшки и о том, что сказала ему тем вечером Алиса. Она вернется, здоровая или нет, но вернется. И обязательно навестит его. Будь он здесь, в больнице, или же дома. Ее мать, нахмурившись, стояла у машины и старалась не смотреть в их сторону, но Бабочке на это было плевать. Главное – Алиса! Главное – то, что наконец-то удалось поговорить с ней!

Признаться ей!

Это был его личный подвиг. Но ведь помог ему в этом Стекляшка – друг, ставший наставником, показавший, что рановато еще отчаиваться. Да... в тот вечер Стекляшка действительно доказал многое. Свою силу, уверенность, непокорность...

Открыл дорогу к иному будущему.

К Алисе.

И Бабочка засыпал довольный, уверенный, что если булькающая тварь выберется из-под кровати, он увесистым пинком загонит ее обратно. Теперь он чувствовал в себе силы сделать это. Он больше не боялся.

И если Алиса вдруг не вернется, у него хватит сил, чтобы отправиться за ней туда, в Германию. На запад, подальше от октября...

5 августа 2011 года